

трическаго и по которому метафизическій методъ вторгается съ своимъ авторитетомъ и въ геометрію и въ другія науки, претендуя предписывать законы другимъ наукамъ. Что для насъ интересно, это — логика, которая создавалась еще въ древнемъ мірѣ, приобрѣла авторитетъ всеобщаго органа изслѣдованія и долгое время безапелляціонно господствовала въ мірѣ, господствуетъ въ большинствѣ случаевъ и теперь въ школахъ. Мы говоримъ о логикѣ Аристотеля.

ГЛАВА IV.

Логика Аристотеля и общее заключеніе о методѣ древнихъ.

Логика Аристотеля — замѣчательный трудъ для своего времени. Появленіе его кажется многимъ удивительнымъ съ той стороны, что одинъ мыслитель безъ предварительныхъ работъ по этому предмету могъ создать такой трудъ. Мы раздѣляемъ вмѣстѣ съ другими удивленіе къ генію Аристотеля; но позволимъ себѣ не согласиться съ другими въ томъ, что не было предварительныхъ подготовленій къ составленію указанного труда или было чрезвычайно мало. Правда, самъ Аристотель заявляетъ — «о научномъ изслѣдованіи занимавшаго насъ предмета не только нельзя сказать, что нѣчто было уже ранѣе найдено, нѣчто же совсѣмъ не существовало, но что рѣшительно ничего не было до него относящагося»¹. Но и это собственное признаніе Аристотеля мы принимаемъ не иначе, какъ съ значительнымъ ограниченіемъ. И, во-первыхъ, это заявленіе дѣлаетъ Аристотель объ одномъ лишь изъ своихъ логическихъ трактатовъ; во-вторыхъ, мы положительно знаемъ теперь, что логическіе вопросы занимали философовъ до Аристотеля и — не даромъ: для рѣше-

¹ *Περὶ σοφιστικῶν ἐλέγχων. Caput XXXIV, въ концѣ сочиненія.*

нія ихъ было уже сдѣлано кое-что, чѣмъ Аристотель, какъ увидимъ ниже, воспользовался. Да и странно думать иначе: не могли же логическіе трактаты Аристотеля явиться, какъ Минерва изъ головы Юпитера.

Въ числѣ логическихъ трактатовъ Аристотеля есть трактатъ подъ заглавіемъ — «Топики» (*Τοπικά*). Въ этомъ трактатѣ Аристотель преподаетъ правила діалектическаго искусства или умѣнья разсуждать о предметѣ *pro* и *contra*. Трактатъ — «Топики» не стоитъ первымъ въ ряду другихъ логическихъ трактатовъ Аристотеля; его нельзя назвать и главнымъ по существу. Но мы первоначально обращаемся къ нему, чтобы показать непосредственную связь логическаго труда Аристотеля съ тѣмъ, что было сдѣлано по логикѣ до Аристотеля, такъ — какъ указанный трактатъ болѣе другихъ можетъ раскрыть эту связь.

Мы знаемъ, что изобрѣтеніе діалектики принадлежитъ элеатскимъ мыслителямъ. Діалектическій способъ разсужденія мы встрѣчаемъ, далѣе, у Сократа. О діалектикѣ много трактуетъ Платонъ. Аристотель разошелся съ Платономъ въ понятіи діалектики; но взгляды ихъ на діалектику не на столько различны, чтобы не было ничего общаго въ этихъ взглядахъ. Платонъ относитъ къ діалектикѣ по-преимуществу исканіе высшихъ истинъ, доступныхъ разуму, но не исключаетъ отсюда изслѣдованія и другихъ вопросовъ тѣмъ-же способомъ. Аристотель исключилъ изъ діалектики истины аподиктическія и отнесъ къ ней разсмотрѣніе основаній спора или разсужденія о вѣроятныхъ мысляхъ. Но въ этомъ онъ удержалъ лишь первоначальное назначеніе діалектики, съ которымъ она явилась у элеатскихъ мыслителей, разсуждавшихъ о вѣроятныхъ мнѣніяхъ. Съ разсужденіемъ элеатскихъ мыслителей мы знакомы уже; познанимся съ діалектическими разсужденіями Сократа.

Хотя софисты искали научныхъ способовъ убѣждать другихъ, однако въ ихъ разсужденіяхъ существовали, какъ нужно пола-

гать, хаосъ, неопредѣленность и неметодичность. Этотъ хаосъ взялся разоблачить Сократъ. Извѣстна иронія Сократа, которая проявлялась у него при столкновеніи съ софистами. Сократъ притворялся ничего незнающимъ и требовалъ обыкновенно отъ софиста, по-видимому, немного, именно — требовалъ сказать ему, что такое тотъ предметъ, о которомъ идетъ разсужденіе; выражаясь логически — требовалъ сдѣлать *опредѣленіе* предмета разсужденія. Софистъ, не задумываясь, давалъ опредѣленіе. Но Сократъ тотчасъ-же указывалъ на примѣръ, который обнаруживалъ неточность даннаго опредѣленія. Тогда софистъ давалъ новое опредѣленіе, которое постигала большею частію та-же судьба, какъ и первое опредѣленіе, что приводило уже софиста въ смущеніе. Оказывалось, что дать точное опредѣленіе предмета не такъ легко, какъ это кажется съ перваго раза. Разсужденія были большею частію о нравственныхъ предметахъ, которые представляются большинству извѣстными и понятными. Софистъ путался въ мысляхъ, противорѣчилъ себѣ, отказывался отъ того, что высказывалъ за нѣсколько минутъ раньше, и разсужденіе не могло продолжаться въ томъ-же направленіи. Совершенно другое было, когда Сократъ самъ брался руководить разсужденіемъ. На-сколько онъ являлся находчивымъ при возраженіяхъ и опроверженіяхъ, на-столько былъ разумнымъ и логически-последовательнымъ въ рѣшеніи вопросовъ, о которыхъ шло разсужденіе. Ксенофонтъ какъ-бы въ объясненіе этого факта замѣчаетъ, что Сократъ разсуждалъ по *родамъ* (*κατὰ γένη*). Кто изучалъ школьную логику, тому извѣстно, что разумѣется подъ *родамъ* и *видами* или подъ родовыми и видовыми понятіями. Сократъ первый сталъ руководиться въ разсужденіяхъ родовыми и видовыми понятіями и отличать ихъ другъ отъ друга. Различіе между ними таково, что «все, что принадлежитъ роду, принадлежитъ и видамъ и каждому индивидууму, но не обратно — не все принадлежитъ роду, что принадлежитъ видамъ

и тѣмъ болѣе—индивидууму». Это-то различіе между родовыми и видовыми понятіями, сознание Сократомъ и неизвѣстное софистамъ, и открывало Сократу пути къ тому, чтобы находить слабыя стороны опредѣленій, даваемыхъ софистами, равно какъ — и къ тому, чтобы методически послѣдовательно вести разсужденіе (образцы разсужденій софистовъ и Сократа находятся у Ксенофонта и Платона). Аристотель замѣчаетъ о Сократѣ, что ему принадлежитъ употребленіе *опредѣленій и наведенія*. Последнее стоитъ у Сократа въ связи съ тѣмъ-же, сознаннымъ имъ, различіемъ между родовыми и видовыми понятіями. Наведеніе Сократа состоитъ въ сближеніи двухъ видовъ въ одномъ родѣ и наведеніи существенныхъ признаковъ вида болѣе простого и нагляднаго, знакомаго каждому, но видъ болѣе сложный и неизвѣстный (напр. на вопросъ: «какъ принести пользу республикѣ» — Сократъ дѣлаетъ сближеніе республики съ домомъ и спрашиваетъ: «въ чемъ полагаетъ каждый устройство, положимъ, дома друга», и отвѣчаетъ: «въ его обогащеніи; то-же долженъ дѣлать и тотъ, кто желаетъ принести пользу республикѣ»).

Платонъ шелъ по слѣдамъ Сократа въ своихъ діалектическихъ приемахъ и представилъ въ своихъ діалогахъ замѣчательные образцы Сократовской діалектики. Для Платона теорія родовъ и видовъ и различія ихъ была столь-же существенно необходимою въ діалектикѣ, какъ и для Сократа. Въ этомъ направленіи Платонъ прибавилъ къ методу Сократа еще одинъ приемъ: *дѣленіе по видамъ* (*διαίρεσις*). Это дѣленіе по видамъ слѣдовало у Платона за *соединеніемъ* (*συναγωγή*) видовъ въ одномъ родѣ или въ одной идеѣ, или *обобщеніемъ* ихъ (*κοινωεῖν*). Опредѣленіе остается у Платона съ тѣмъ-же значеніемъ, какое оно имѣло у Сократа. Его называетъ Платонъ *указаніемъ сущности* (*τὴν οὐσίαν δηλᾶσαι*). Впрочемъ, нужно имѣть въ виду двоякаго рода опредѣленіе: опредѣленіе рода и опре-

дѣленіе вида. Если нужно опредѣлить видъ, то это опредѣленіе получается въ концѣ изслѣдованія, т. е. послѣ того, какъ сдѣлано дѣленіе по видамъ и указаны отличительныя черты каждаго вида. Если же требуется опредѣлить родъ, то опредѣленіе получается большею частію чрезъ противопоставленіе этого рода другому, противоположному ему, или чрезъ контрастъ, какъ это объяснено было раньше. Да и въ дѣленіи по видамъ нужно, говоритъ Платонъ, удержаться по-возможности діаметральнаго дѣленія, или *дихотомій*, и не останавливаться на одномъ сдѣланномъ дѣленіи, а продолжать такое-же діаметральное дѣленіе (*καὶ πάλιν τῇ τῆς διαμέτρου διαμέτρῳ*) до тѣхъ поръ, пока не получится недѣлимое (*μὲντοι τὸ ἀτρίτε τέμνειν*). Какъ видно, такое діаметральное дѣленіе нужно было Платону для того, чтобы лучше можно было отбѣить отличительныя признаки каждаго вида, какъ это бываетъ въ противопоставленіи другъ другу противоположныхъ видовъ, и чрезъ то избѣжать смѣшенія одного вида съ другимъ.

Въ діалектикѣ¹ Аристотеля теорія родовъ и видовъ и различія ихъ является столь-же существенно необходимою, какъ у Сократа и Платона. Какъ было сказано, Аристотель ограничилъ понятіе діалектики разсмотрѣніемъ основаній разсужденія о вѣроятныхъ мнѣніяхъ. «Цѣль этого сочиненія, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы найти методъ, посредствомъ котораго можно было бы образовывать заключенія изъ *вѣроятныхъ* положеній о каждомъ встрѣчающемся вопросѣ и сверхъ того защищать свой (личный) взглядъ, не впадая въ противорѣчія». По опредѣленію діалектики, данному Аристотелемъ, выходитъ, что въ діалектическомъ разсужденіи бываетъ напередъ уже дано извѣстное положеніе; только это положеніе не рѣшено еще

¹ Изложеніе содержанія логическихъ трактатовъ Аристотеля смотр. Логикѣ Владислава Лева, а также *Barthelemy Saint-Hilaire*, «Logique d'Aristote, traduite en français».

категорически, а остается вѣроятнымъ. Діалектическимъ положеніемъ называется, говоритъ Аристотель, то, которое кажется ученымъ или большинству вѣроятнымъ. Діалектическими проблемами называются вопросы, устанавливаемые для изслѣдованія, но нерѣшенные еще категорически въ какую-либо сторону, напр. вѣченъ ли міръ или не вѣченъ. Итакъ, какое бы ни было достоинство діалектическаго положенія, его не нужно отыскивать, какъ это не рѣдко приходилось дѣлать Платону: оно дано уже; требуется только сдѣлать оцѣнку даннаго положенія, какъ это приходилось дѣлать Сократу съ положеніями, высказываемыми софистами, или элеатскимъ мыслителемъ, рѣшавшимъ вопросъ — существуетъ ли единое или существуетъ многое. Приступая къ разсмотрѣнію положенія вообще, Аристотель говоритъ, что каждое положеніе, куда ни относилось бы оно — къ категорическимъ или вѣроятнымъ положеніямъ, означаетъ или родъ или исключительно свойственную предмету черту, или нѣчто случайное въ немъ. Поэтому, коль-скоро дано положеніе, нужно изслѣдовать и опредѣлить: что оно означаетъ — родъ, характерную черту предмета или случайное. Когда такое опредѣленіе будетъ сдѣлано, то сдѣлается возможною оцѣнка положенія. Изъ этого мы видимъ уже, какое значеніе придаетъ Аристотель теоріи родовъ и видовъ, принятой Сократомъ и Платономъ. Изложеніе разбираемаго нами трактата идетъ такимъ порядкомъ: сначала Аристотель берется разобрать случайные признаки, которые могутъ быть приписываемы предмету. Здѣсь онъ отличаетъ случайный признакъ отъ родового и характернаго. Въ положенія, въ которыхъ опредѣляется предметъ или приписывается ему родовая черта или нѣчто характерное, могутъ быть превращаемы, потому что эти признаки приписываются ему не въ какомъ либо только извѣстномъ отношеніи, а безусловно; между-тѣмъ-какъ положенія, въ которыхъ указывается нѣчто случайное, не допускаютъ прямого превращенія.

Если нужно доказать, говорить Аристотель, что одинъ предметъ можетъ имѣть противныя качества, то необходимо рассмотреть его родъ, ибо отъ него можно заключить къ виду. Все принадлежащее роду необходимо предполагается его видами. Иногда отъ вида можно заключить къ роду, ибо что принадлежитъ первому, можетъ принадлежать и второму. Далѣе переходитъ Аристотель къ разсмотрѣнiю того, какъ нужно обращаться съ понятiемъ рода. Здѣсь онъ говоритъ о противопоставленiи родовъ противоположныхъ; напр. здѣсь находятся такого рода замѣчанiя: нужно смотрѣть, не входитъ ли въ объемъ противоположнаго рода то, что обозначается какъ содержимое въ родѣ, не указывается ли признакъ, противорѣчащiй ему, не есть ли указываемый родъ просто видъ, самостоятеленъ ли родъ, равно какъ и его противоположность; если между крайними родами есть посредствующiй родъ, то есть ли посредствующiй видъ и между крайними родами, однородны ли эти среднiе роды и виды. Все это нужно наблюдать преимущественно при опроверженiяхъ. При доказыванiи и защищенiи необходимо наблюдать — заключается ли противоположность даннаго вида въ томъ-же родѣ; въ томъ же случаѣ, когда имѣется дѣло съ родомъ, которому нужно противопоставить другой, ему противорѣчащiй, нужно смотрѣть, заключается ли противорѣчащiй данному видъ въ противорѣчащемъ родѣ. Аристотель говоритъ далѣе, какъ можно опровергать и защищать положенiя на основанiи сопоставленiя противоположныхъ родовъ и видовъ. Сопоставля видъ съ родомъ, необходимо смотрѣть: если видъ есть нѣчто относительное, то и родъ есть ли тоже нѣчто относительно, и такъ далѣе. Отъ изложенiя родовъ Аристотель переходитъ къ разсмотрѣнiю характерныхъ или свойственныхъ предмету признаковъ и къ опредѣленiю. Мы остановимся на послѣднемъ. Здѣсь видимъ, что Аристотелемъ руководятъ тѣ-же положенiя относительно опредѣленiя, которыя выработаны Сократомъ Плато-

номъ. Опредѣленіе, говоритъ онъ, состоитъ въ указаніи родового понятія и видовыхъ отличій; поэтому, здѣсь можно пользоваться противоположеніемъ понятій и наблюдать—такъ ли ясно выходитъ опредѣленіе противоположнаго данному понятія, какъ опредѣленіе послѣдняго, если показанные въ немъ признаки обратить въ противоположные. Опредѣленіе ошибочно, когда не указанъ въ немъ родовой признакъ, или вмѣсто ближайшаго рода указывается отдаленный. Необходимо смотрѣть указаны ли вмѣстѣ съ родовыми понятіями отличія ихъ и правильно ли указаны эти отличительныя черты, не состоитъ ли опредѣленіе изъ однихъ отрицательныхъ признаковъ (за исключеніемъ случаевъ, когда опредѣляется недостатокъ чего-либо въ чемъ-либо), не употребляется ли въ опредѣленіи родовое или видовое понятіе или цѣлый предметъ въ смыслѣ относительнаго признака, и такъ далѣе.

Словомъ, теорія Сократа о родахъ и видахъ и ихъ отличіи лежитъ въ основаніи діалектики Аристотеля, и все, что разъяснено Сократомъ и Платономъ относительно сущности этой теоріи и приложенія ея къ изслѣдованію спорныхъ вопросовъ, удержано и Аристотелемъ въ полной силѣ. Аристотелю принадлежитъ та заслуга, что онъ разработалъ эту теорію систематически, при чемъ обратилъ вниманіе и на другія стороны предмета. Эти стороны хотя и затрогивались предшественниками Аристотеля, но важность ихъ въ діалектическихъ разсужденіяхъ не была выставлена на видъ такъ ясно, какъ это сдѣлано Аристотелемъ. Мы говоримъ, во-первыхъ, о внѣшней сторонѣ діалектическихъ положеній или о ихъ словесномъ выраженіи. Аристотель обратилъ особенное вниманіе на точность употребленія терминовъ и словесныхъ выраженій. Въ своей діалектикѣ онъ постоянно обращается къ внѣшней сторонѣ діалектическихъ положеній и слѣдитъ за тѣмъ, не употреблено ли, напр., въ опредѣленіи омонимнаго выраженія, когда названіе опредѣляемаго предмета имѣетъ нѣсколько названій, не употреблено ли въ ме-

тафорическомъ смыслѣ, или не есть ли неупотребительное слово, или слишкомъ неопредѣленное выраженіе, когда по данному опредѣленію нельзя догадаться, къ какому предмету оно относится. Коль-скоро Аристотель ограничилъ діалектику положеніями уже готовыми, данными, то естественно, что онъ обратилъ вниманіе на виѣшнюю сторону, — на словесное выраженіе, въ которомъ передано діалектическое положеніе. Нельзя оцѣнивать положеніе съ внутренней стороны, если виѣшняя форма его не фиксируетъ его въ нашей мысли. Есть и другія новыя стороны въ діалектическихъ положеніяхъ, на которыя Аристотель обратилъ вниманіе; но о нихъ мы не будемъ говорить, такъ-какъ онѣ составляютъ лишь дополненіе къ основнымъ правиламъ діалектики, установленнымъ Сократомъ и Платономъ, а не измѣненіе ихъ.

Когда говорятъ о заслугахъ Аристотеля въ логикѣ, то обыкновенно указываютъ на то, что онъ создалъ теорію доказательства и силлогизма. О силлогизмѣ Аристотель говоритъ: «относительно ученія о силлогизмѣ мы не нашли ничего, что было бы сказано до насъ и тщательное изслѣдованіе этого предмета стоило намъ труда въ продолженіи многого времени»¹. Доказательство и силлогизмъ поставлены у Аристотеля въ тѣсной связи между собою. «Всякое доказательство есть силлогизмъ, говоритъ Аристотель, но не всякій силлогизмъ составляетъ доказательство». Ученіе о силлогизмѣ и доказательствѣ изложено у Аристотеля въ двухъ «Аналитикахъ», изъ которыхъ первая посвящена изложенію теоріи силлогизма и видовъ его, вторая заключаетъ въ себѣ ученіе о доказательствѣ. Черезъ ознакомленіе съ «Топиками» или діалектикою Аристотеля мы сдѣлали уже шагъ къ ознакомленію съ указанными сейчасъ двумя трактатами. Топики не стоятъ въ всякой зависимости отъ Аналитикъ Аристотеля; напротивъ, онѣ соединяются со второю Ана-

¹ *Περὶ Σοφιστικῶν Ἑλέγχων*, XXXIV, въ концѣ сочиненія.

литикою, а слѣдовательно и съ первую, если первая неразрывно соединена со второю. Діалектика имѣетъ дѣло съ положеніями, уже высказанными, вторая Аналитика имѣетъ дѣло тоже съ высказанными положеніями; различіе состоитъ въ томъ, что положенія, съ которыми имѣетъ дѣло вторая Аналитика, суть положенія безусловно истинныя, основанныя на первыхъ началахъ, тогда-какъ діалектическія положенія суть положенія вѣроятныя и кажущіяся.

Во второй Аналитикѣ Аристотель много занимается, какъ и слѣдовало ожидать, вопросомъ о принципахъ, или всеобщихъ и необходимыхъ истинахъ. Доказывать значитъ дѣлать очевиднымъ и неоспоримымъ какое-либо положеніе на основаніи другого положенія, которое признано за несомнѣнную истину. Но существуютъ ли такія несомнѣныя истины? Если существуютъ, то на какомъ основаніи нужно признавать ихъ несомнѣнными? Не основывается ли несомнѣнность ихъ на другихъ истинахъ, — не суть ли онѣ истины доказательныя? Аристотель приводитъ два мнѣнія, сюда относящіяся, которыя существовали въ его время. Одно изъ нихъ совершенно не признаетъ доказательнаго знанія, такъ-какъ нельзя установить принциповъ: въ доказательствѣ одно основывается на другомъ, другое на третьемъ и такъ далѣе, такъ-что приходится допустить безконечную цѣпь истинъ или остановиться на бездоказательныхъ, слѣдовательно шаткихъ положеніяхъ. По другому мнѣнію, всякое знаніе, въ томъ числѣ и принципы, могутъ быть доказываемы, и доказательство возможно только круговое и взаимное. Въ противоположность этимъ мнѣніямъ Аристотель принимаетъ существованіе принциповъ или истинъ, которыя не могутъ быть доказываемы и не нуждаются въ доказательствахъ; напротивъ, сами служатъ для доказательства другихъ истинъ, которыя на первый взглядъ не кажутся очевидными. Это — истины, выражающія сущность, всеобщія и необходимыя (*κατὰ πάντος, καθόλου, καθ' αὐτά*). Такія истины существуютъ въ каждой наукѣ. Кромѣ этихъ, свойствен-

ныхъ каждой наукѣ, необходимыхъ истинъ, существуютъ еще общіе, прилагаемые ко всѣмъ наукамъ, принципы. Послѣдніе даются намъ законами нашего разума; таковы слѣдующіе принципы: «не возможно объ одномъ и томъ-же утверждать что либо и вмѣстѣ отрицать», или еще: «объ одномъ и томъ-же возможно или утверждать или отрицать». — Справедливо замѣчаютъ, что Аристотель ввелъ въ свою логику метафизическій элементъ. Дѣйствительно, во второй Аналитикѣ, гдѣ Аристотель разсуждаетъ о принципахъ доказательствъ, метафизическій элементъ является преобладающимъ. Здѣсь, говоря объ опредѣленіи, Аристотель касается своего ученія о причинѣ, которое, какъ извѣстно, проникнуто метафизическимъ духомъ. Здѣсь-же Аристотель разсуждаетъ и о томъ, прирождено ли намъ знаніе принциповъ или не прирождено. Знаніе вообще начинается съ опыта, но въ дальнѣйшемъ его развитіи открывается дѣйствіе сверх-опытнаго элемента. Это, по Аристотелю, — знаніе принциповъ. Оно принадлежитъ, по убѣжденію Аристотеля, созерцанію нашего ума, относится къ его природѣ, присуще ему по существу. Въ этомъ ученіи Аристотеля о происхожденіи знанія принциповъ мы не можемъ не находить сходства ученія Аристотеля о разумѣ съ ученіемъ о немъ Платона.

Послѣ ученія о принципахъ доказательствъ перейдемъ къ силлогизму, относительно котораго Аристотель заявляетъ, что о немъ не было ничего сказано до него. Ученіе о силлогизмѣ вообще и его видахъ изложено въ первой Аналитикѣ. Каждое доказательство есть силлогизмъ, по словамъ Аристотеля. Объ истинѣ доказательной имѣли понятіе до Аристотеля; напр. существовали доказательства въ геометріи, а отсюда проникали и въ философію. Если же существовали доказательства въ геометріи и философіи, то понятно, что слова Аристотеля — «о силлогизмѣ ничего не сказано раньше» не то выражаютъ, что онъ первый сталъ употреблять силлогизмъ, а то, что онъ первый

анализировалъ силлогизмъ и создалъ теорію его. Съ своей стороны, мы видимъ нѣкоторую подготовку къ этой теоріи въ учении предшественниковъ о родахъ и видахъ и о законахъ нашего разума. Аристотель, по своей манерѣ, почти никогда не говоритъ о Платонѣ. Въ данномъ случаѣ, онъ говоритъ о заслугахъ софистовъ, которыя сдѣланы въ реторикѣ, стоящей въ связи съ логикою, и ничего не говоритъ о томъ, что сдѣлано для логики Платономъ и Сократомъ. Доказательство состоитъ, какъ сказано, въ томъ, что какая-либо истина дѣлается очевидной на основаніи другой истины, которая признается несомнѣнною. Существованіе такихъ истинъ признано Аристотелемъ. Но, по характеристикѣ Аристотеля, эти истины такъ общи и безотносительны, что требуется искусство привести какую-либо истину къ принципу. Руководительнымъ началомъ въ данномъ случаѣ является знаніе отношенія между родомъ и видами и установленіе характеристики родовъ съ помощію законовъ разума. Что принадлежитъ роду, то принадлежитъ и видамъ. Аристотель установилъ нѣсколько фигуръ силлогизмовъ и первая изъ нихъ, самая важная и самая нормальная, основывается прямо и непосредственно на указанномъ сейчасъ положеніи о родахъ и видахъ. Прочія фигуры силлогизма отличаются отъ первой не по существу, а по формѣ, и всѣ силлогизмы по возможности должны быть превращены въ форму первой фигуры, какъ самой нормальной. Во второй, напр., фигурѣ показывается, что видъ не имѣетъ признака взятаго рода, по этому, не принадлежитъ къ видамъ этого послѣдняго. Напр. всякое одушевленное тѣло обнаруживаетъ чувствительность. Камень не обнаруживаетъ чувствительности. Слѣдовательно, камень не есть одушевленное тѣло. Отличіе фигуръ зависитъ отъ различнаго положенія средняго термина въ посылкахъ. Въ первой фигурѣ силлогизма средній терминъ долженъ быть подлежащимъ большей посылки и сказуемымъ меньшей. Во второй фигурѣ средній терминъ дол-

женъ быть сказуемымъ въ обѣихъ посылкахъ. Аристотель принималъ три фигуры силлогизма. Въ послѣдней или третьей фигурѣ средній терминъ долженъ быть подлежащимъ въ обѣихъ посылкахъ. Послѣ Аристотеля принята логиками еще четвертая фигура (принадлежитъ Галену «figura Galenica»). Въ этой фигурѣ средній терминъ долженъ быть сказуемымъ большей посылки и подлежащимъ меньшей. Въ силлогизмахъ нужно еще имѣть постоянно въ виду различіе предложеній утвердительныхъ и отрицательныхъ, обще-утвердительныхъ и обще-отрицательныхъ, частно-утвердительныхъ и частно-отрицательныхъ. Отъ этого различія зависятъ модусы каждой фигуры силлогизма. Все это имѣетъ въ своемъ основаніи противопоставленіе родовъ съ ихъ существенными признаками и принципіи разума. Такъ-какъ все это можно найти въ каждомъ учебникѣ, то мы и не будемъ входить въ подробности изложенія силлогизма.

Остается еще два логическихъ трактата Аристотеля. Одинъ изъ этихъ трактатовъ заключаетъ въ себѣ изложеніе ученія «о предложеніяхъ», другой «о категоріяхъ». Но мы не будемъ говорить о нихъ. Очевидно, что Аристотель идетъ въ изложеніи отъ простѣйшаго къ болѣе сложному: отъ категорій или отдѣльныхъ терминовъ къ предложеніямъ, отъ предложеній къ силлогизмамъ, далѣе слѣдуютъ доказательства, гдѣ верѣдко нельзя ограничиться однимъ силлогизмомъ, особенно въ діалектическихъ доказательствахъ. — Мы не сказали еще о послѣднемъ логическомъ трактатѣ Аристотеля. Этотъ трактатъ носитъ заглавіе: «о софистическихъ доказательствахъ». Онъ составляетъ продолженіе трактата «Топика». Мы избрали для нашихъ цѣлей обратный путь къ ознакомленію съ логическими трактатами Аристотеля, т. е. мы шли отъ сложнаго къ болѣе простому. Въ этомъ сложномъ мы видѣли прямое историческое отношеніе высказываемаго Аристотелемъ къ тому, что было высказано до него. По историческому развитію логики въ древнемъ мірѣ, мож-

но размѣстить логическіе трактаты Аристотеля такимъ образомъ: послѣдній логическій трактатъ Аристотеля—«о софистическихъ доказательствахъ» имѣетъ непосредственную связь съ тѣмъ, чѣмъ обязана логика софистамъ; діалектика создана элеатскими мыслителями и Сократомъ; принципы доказательствъ установлены Платономъ; Аристотелю принадлежитъ теорія силлогизма и анализъ его элементовъ. Душею всей логики, какъ она явилась у Аристотеля, служить теорія родовъ и видовъ Сократа и законы разума, намѣченные Платономъ и сформулированные логически Аристотелемъ.

И такъ, мы имѣемъ нѣсколько иной взглядъ на логику и происхожденіе логическихъ трактатовъ Аристотеля, отличный отъ взгляда, высказываемаго большею частію другими. Логика Аристотеля не создана геніемъ одной лишь личности: она есть созданіе всего греческаго мыслящаго духа. Она создавалась постепенно въ періодъ движенія научной и философской мысли. Геометрія и другія существовавшія въ то время науки не могутъ быть исключены отъ всякаго вліянія на появленіе логики Аристотеля. По этому, логика Аристотеля не есть первая попытка въ этомъ родѣ, сдѣланная неопытною, хотя-бы и геніальною, рукою; она есть завершеніе цѣлаго ряда подготовительныхъ научныхъ и уметвенныхъ упражненій и методовъ ихъ, которые до Аристотеля старались уже теоризировать и формулировать. Отсюда-то и объясняется такое совершенство и такая законченность логическаго труда Аристотеля, которыя удивляли и удивляютъ писателей. По этому-то послѣдующіе логики и не могли сдѣлать значительнаго измѣненія и усовершенствованія въ формальной логикѣ (какъ на это указываетъ Кантъ). Нужно было или вступить на совершенно новый путь и начать новую работу на иныхъ началахъ, или, если оставаться вѣрнымъ указанному пути и принять начала уже положенныя, то необходимо было подчиниться тому, что было уже высказано. Гибкій и из-

воротливый греческій умъ не даромъ упражнялся въ принятомъ направленіи. Можно сказать, что логика Аристотеля находится въ такомъ-же отношеніи къ предшествующимъ подготовительнымъ трудамъ, въ какомъ находится къ таковымъ-же трудамъ логика Джона-Стюарта Милля. Знающій исторію развитія индуктивнаго метода рѣшится ли утверждать, что индуктивная логика создана исключительно Джономъ-Стюартомъ Миллемъ? Такое сопоставленіе логики Аристотеля съ индуктивною логикою Д.-С. Милля мы въ-правѣ сдѣлать на основаніи сходства нѣкоторыхъ существенныхъ признаковъ той и другой логики. Д.-С. Милль устраняетъ отъ логики открытіе истинъ и приисканіе доказательствъ, но приписываетъ ей право рѣшать — дѣйствительно ли истина открыта и найдены ли доказательства, всѣ ли доказательства найдены и достаточны ли они, чтобы на нихъ основывалось извѣстное положеніе; словомъ — Д.-С. Милль ограничиваетъ логику изслѣдованіемъ и оцѣнкою истинъ, уже найденныхъ и данныхъ, и доказательствъ, уже предложенныхъ для подтвержденія найденной истины. Точно такимъ-же образомъ и логика Аристотеля имѣетъ дѣло съ положеніями, уже высказанными и сформулированными, и предлагаетъ общія правила, которымъ должно удовлетворять всякое предлагаемое доказательство для подтвержденія положенія. Не таковы были понятія о логикѣ у предшественниковъ Д.-С. Милля и Аристотеля. Ихъ стремленія и усилія направлены были къ открытію новыхъ истинъ; по этому, ихъ направленіе въ логикѣ было — найти и установить общіе методы для изслѣдованія и открытія новыхъ истинъ. Софисты старались всегда о томъ, чтобы «сказать чтонибудь новенькое», какъ выражается у Ксенофонта Гиппій. Платонъ искалъ вѣрнѣйшаго метода къ открытію истинъ и нашелъ его въ анализѣ или «дѣленіи по видамъ». Признано, что Платонъ допускаетъ иногда противорѣчивыя мнѣнія объ одномъ и томъ-же предметѣ. Но это было слѣдствіемъ стремленія Пла-

тона къ раскрытію и изслѣдованію всѣхъ сторонъ предмета при помощи усвоеннаго имъ анализа. Въ данномъ случаѣ онъ повиновался лишь тому, куда велъ его анализъ. Если анализъ, начатый имъ съ различныхъ сторонъ предмета, велъ его къ различнымъ взглядамъ на одинъ и тотъ-же предметъ, то онъ не стѣснялся высказывать тотъ и другой взглядъ, предоставляя другому изслѣдователю рѣшить вопросъ—который изъ указанныхъ взглядовъ есть болѣе вѣрный или въ какомъ третьемъ взглядѣ оба они примиряются. Не то мы видимъ у Аристотеля. Онъ начинаетъ изслѣдованіе съ оцѣнки различныхъ взглядовъ, высказанныхъ на предметъ другими. Для этого нужны были Аристотелю общіе и постоянные принципы и правила, которымъ должны удовлетворять всякаго рода взгляды и доказательства ихъ; нужна была теорія доказательствъ. На этомъ остановился онъ въ своей логикѣ. Что касается до приобрѣтенія новыхъ знаній, то Аристотель принялъ во вниманіе лишь *эмпирическое* знаніе, приобрѣтаемое наблюденіемъ. Его теорія доказательствъ не касается этого, знанія, пока оно не сформулировано въ известное положеніе. Если мы такъ будемъ смотрѣть на логику Аристотеля, то намъ не потребуется, подобно другимъ, дѣлать всякія натяжки, чтобы доказать, что «Органонъ» Аристотеля предназначенъ къ открытію новыхъ истинъ. Онъ назначенъ къ оцѣнкѣ истинъ уже открытыхъ или высказанныхъ—возможно ли принять ихъ за истины. Аристотель сознавалъ, что найдены вѣрные и твердые принципы для оцѣнки всякаго положенія, принимаемаго за истину. Во всей логикѣ Аристотеля чувствуется особенная увѣренность автора въ прочности и вѣрности положенныхъ основаній. Эти основанія—законы разума: «не возможно что-либо утверждать и вмѣстѣ отрицать объ одномъ и томъ-же», «возможно или утверждать или отрицать что-либо»; потому—теорія родовъ и видовъ, общаго и частнаго и проч. Все прочее, развиваемое на этихъ началахъ, не можетъ не быть вѣр-

нымъ, если развитіе сдѣлано безъ отступленій отъ принятыхъ началъ. Таково дѣленіе предложеній на обще-утвердительныя и обще-отрицательныя, частно-утвердительныя и частно-отрицательныя. Они необходимо подчиняются уже извѣстнымъ отношеніямъ между собою. Напр. въ непосредственномъ умозаключеніи при превращеніи предложеній обще-отрицательное предложеніе обращается въ обще-отрицательное же, такъ-какъ въ такихъ предложеніяхъ дѣло имѣется съ двумя самостоятельными несомѣстимыми между собою родами (совмѣщеніе не возможно на основаніи законовъ разума); обще-утвердительное предложеніе превращается въ непосредственномъ умозаключеніи въ частно-утвердительное, такъ-какъ отношеніе возможно въ данномъ случаѣ только между родомъ и видами; изъ частно-утвердительнаго получается при превращеніи частно-утвердительное же; изъ частно-отрицательнаго чрезъ превращеніе ничего не получается. Аристотель такъ увѣренъ въ прочности всѣхъ этихъ положеній, что не считаетъ нужнымъ приводить примѣры для нагляднаго объясненія справедливости ихъ и ограничивается сухою формулировкою положеній и употребленіемъ буквъ алфавита: А, В, С и проч. Онъ увѣренъ, что, каково бы ни было специальное содержаніе взятаго предложенія, при непосредственномъ заключеніи чрезъ превращеніе его оно должно слѣдовать тому изъ четырехъ сказанныхъ способовъ превращенія, къ которому оно по формѣ относится: иной способъ превращенія не мыслимъ. «Допустимъ, говоритъ Аристотель, что АВ есть обще-отрицательное предложеніе. Я говорю, что если А не заключается въ В, то слѣдуетъ, что и В не заключается въ А. Если отрицаютъ это слѣдствіе, то В будетъ заключаться въ вѣкоторомъ А, напр. въ С. Но въ такомъ случаѣ первое предложеніе перестанетъ быть вѣрнымъ, ибо С будетъ одно изъ А». То-же и въ посредственныхъ умозаключеніяхъ. Напр. большая посылка заключаетъ въ себѣ предложеніе обще-утвердительное,

меньшая заключаетъ предложеніе частно-отрицательное, заключеніе должно быть отрицательное: А есть В, С не есть В, слѣдовательно С не есть А. Всякое одушевленное тѣло обнаруживаетъ чувствительность. Камень не обнаруживаетъ чувствительности. Слѣдовательно, камень не есть одушевленное тѣло.

Взгляды на логику Аристотеля высказывались и высказываются весьма различные. Метафизики были большею частію на сторонѣ логики Аристотеля; математики также принимали логику Аристотеля въ томъ или другомъ видѣ. Напротивъ, философы школы Бэкона и школы критической почти постоянно до самаго послѣдняго времени возставали противъ логики Аристотеля. Они отвергали «Органонъ» Аристотеля, выходя изъ той мысли, что онъ не служитъ къ открытію новыхъ истинъ. Въ пылу полемики противъ логики Аристотеля они доходили до того, что доказывали не только бесполезность изученія ея, но даже вредъ. Первый высказался въ такомъ тонѣ противъ логики Аристотеля Бэконъ. Послѣ Бэкона Гоббсъ, Ридъ, Дотальдъ Стюартъ и другіе доказывали бесполезность изученія логики Аристотеля и въ-частности силлогизма со всѣми его фигурами и модусами, какъ они излагались въ схоластической логикѣ.

Такой приговоръ логикѣ Аристотеля со стороны указанныхъ философовъ школы Бэкона и критической сдѣланъ былъ совершенно съ требованіями времени и принципами этихъ школъ; но здѣсь забыта была историческая точка зрѣнія. Поэтому, логикѣ Аристотеля не отдано должной справедливости. На логику Аристотеля мы должны смотрѣть прежде всего, какъ на историческій памятникъ состоянія и развитія современной Аристотелю логической, философской и научной мысли. Съ этой, т. е. исторической, точки зрѣнія мы и должны прежде всего цѣнить логику Аристотеля. Вопросъ о томъ, можетъ ли логика Аристотеля и теперь служить органомъ знанія, есть вопросъ даль-

нѣйшій. На первомъ же планѣ долженъ быть рѣшенъ вопросъ о томъ, была ли она такимъ органомъ въ свое время, когда она явилась и употреблялась? Отвѣтая на этотъ послѣдній вопросъ, мы не должны ограничиваться однимъ лишь Аристотелемъ; точно такимъ-же образомъ, какъ и теперь, мы не ограничились бы однимъ Д.-С. Миллемъ, если бы отъ насъ потребовали опредѣлить значеніе въ наукѣ и философіи индуктивной логики, которая получила совершенную научную обработку въ «Системѣ логики» Д.-С. Милля. Для оцѣнки значенія этой послѣдней мы обратились бы къ тому, въ чемъ выразилось уже благотворное дѣйствіе и вліяніе индуктивнаго метода въ наукѣ и философіи съ того самаго времени, какъ найдены и сформулированы въ первый разъ элементарныя правила этого метода. Относительно логики Аристотеля мы старались доказать, что она создана не одною личностію, а постепенно; дѣйствіе и вліяніе метода Аристотеля на философію и науку обнаружилось раньше его. Поэтому, при оцѣнкѣ метода Аристотеля съ исторической точки зрѣнія необходимо заглянуть въ предшествующій періодъ, потомъ обратиться къ самому Аристотелю и перейти къ послѣдующему періоду, въ который дѣйствіе метода Аристотеля продолжалось. Доселѣ брали во вниманіе лишь послѣдующій періодъ дѣйствія логики Аристотеля и притомъ брали не ближайшій къ Аристотелю періодъ, а позднѣйшій — періодъ схоластики; поэтому, видѣли лишь мрачную картину безплодной въ наукѣ и философіи схоластики. Но мы разумѣемъ подъ ближайшимъ періодомъ періодъ греческой и римской философіи и науки; а этотъ можетъ не показаться такимъ мрачнымъ и безотраднымъ, какъ схоластическій, если, разумѣется, не требовать отъ него съ узкой точки зрѣнія того, чего въ немъ не могли сдѣлать при помощи господствующаго метода и что сдѣлано въ новомъ мірѣ при помощи иного метода.

Мы сказали, что мы не отдѣляемъ строго математическаго метода, дѣйствовавшаго въ древности, отъ тогдашняго метода вообще и въ-частности отъ метода Аристотеля. Хотя школа Аристотеля не столь извѣстна въ исторіи геометріи, какъ школа Платона, тѣмъ не менѣе геометрическія знанія не игнорировались ею (Теофрастъ, Эвдемъ). Самъ Аристотель обратился къ прикладной математикѣ въ оптикѣ, астрономіи и проч. Но вліяніе математическаго метода на методъ Аристотеля было посредственное чрезъ методъ Платона и другихъ. Самъ Аристотель нерѣдко прибѣгаетъ въ своихъ логическихъ трактатахъ къ примѣрамъ изъ геометріи. Достаточно прочесть, напримѣръ, вторую Аналитику Аристотеля, которая излагаетъ ученіе о доказательствахъ, чтобы убѣдиться — въ какой тѣсной связи и зависимости стоитъ разработка этого ученія отъ развитія геометріи и ариметики, существовавшаго уже при Аристотелѣ. «Всякое раціональное (т. е. силлогистическое, доказательное) знаніе, начинается Аристотель этотъ трактатъ, будетъ ли оно приобрѣтено чрезъ обученіе или найдено чрезъ изслѣдованіе, всегда происходитъ изъ первыхъ положеній. Наблюденіе доказываетъ, что это справедливо относительно всѣхъ наукъ, ибо таковъ процессъ *математическихъ* наукъ и всѣхъ другихъ безъ исключенія». Развивая далѣе свое ученіе о первыхъ принципахъ и доказательствахъ, основывающихся на нихъ, Аристотель постоянно обращается къ примѣрамъ, заимствованнымъ изъ геометріи и ариметики. Самая манера его прибѣгать въ ученіи о силлогизмѣ вмѣсто примѣровъ къ буквамъ алфавита имѣетъ, вѣроятно, связь съ ариметическимъ способомъ выраженія. Очевидно, что геометрическій методъ, изобрѣтенный древними, распространялъ свое вліяніе на такихъ мыслителей, которые прославили себя въ другихъ наукахъ, а не въ геометріи. Такимъ образомъ, изобрѣтеніе геометрическаго метода древними составляетъ замѣчательную эпоху въ исторіи наукъ и фи-

лософія; оно служило прогрессу наукъ и мысли. Вліяніе геометрическаго метода въ древности неизмѣримо велико. Сколько пользы принесло изобрѣтеніе геометрическаго метода развитію геометріи въ древности, показываютъ математическіе труды древняго міра, которыми воспользовался ново-европейскій міръ. Математики выражаются такимъ образомъ о древнихъ математическихъ трудахъ, что еслибы эти драгоцѣнные труды были потеряны, то математика настоящаго времени была бы далеко не въ такомъ блестящемъ положеніи, въ какомъ мы видимъ ее теперь. Далѣе, подъ вліяніемъ геометрическаго метода начала свое развитіе въ древности діалектика. Съ появленіемъ діалектики въ первый разъ является критика, основанная на раціональныхъ началахъ и руководимая методомъ. Какой толчекъ прогрессу мышленія и цивилизаціи вообще даетъ раціональная, методическая критика, говорить объ этомъ много нѣтъ надобности. Не даромъ Сократъ, который по его собственнымъ словамъ (записаннымъ Платономъ) «никому не училъ», а выставлялъ на видъ свое незнаніе и незнаніе другихъ, занялъ такое высокое мѣсто въ исторіи мысли: направленіе его умственной дѣятельности было исключительно критическое. Въ исторіи развитія мысли найдется не одинъ примѣръ замѣчательныхъ умственныхъ дѣятелей, посвятившихъ свою дѣятельность исключительно критикѣ. Съ помощію методической критики вырабатываются принципы, къ которымъ стягиваются частные умственные и научные труды, получаютъ объединеніе, закрѣпляются въ одинъ остовъ и въ этомъ видѣ дѣлаются прочнымъ наслѣдіемъ для будущихъ поколѣній и точкою отправленія для дальнѣйшаго хода цивилизаціи. Такова философія Платона, въ которой рѣдко нельзя найти отголосокъ во всемъ умственнымъ трудамъ предшествующей исторіи мысли, не исключая періода до-метафизическаго, каковъ періодъ Гомера и Гезіода. Аристотель продолжаетъ дѣло Платона въ обширныхъ для своего времени

размѣрахъ. Для изученія философіи до Сократа метафизика Аристотеля представляетъ драгоценный трудъ цѣльнаго систематическаго и критическаго изложенія развитія предшествующей философіи. Благодаря выработаннымъ діалектически и критически принципамъ, метафизика въ лицѣ Платона и Аристотеля поднялась на такую высоту, что въ послѣдующее время обречена была почти на застой въ томъ-же направленіи; по крайней мѣрѣ она, не имѣя другого выхода, не разъ возвращалась къ Платону и Аристотелю. Даже въ наше время существовали попытки возстановить метафизику древнихъ мыслителей. Методъ метафизики, установленный Платономъ и Аристотелемъ, остается почти неизмѣннымъ до настоящаго времени. Далѣе, — въ древности до Аристотеля имѣли понятіе о слѣдующихъ наукахъ: грамматикѣ, музыкѣ, геометріи, астрономіи и наукѣ общественной или политикѣ. Мы должны сказать нѣсколько словъ о послѣдней, какъ по важности этой науки у древнихъ, такъ и по причинѣ темноты представленія о ней.

Политикѣ или общественной наукѣ учили софисты. Среди этихъ послѣднихъ пользовались особенною извѣстностію Протагоръ и Горгіасъ. Протагоръ говорилъ, что «онъ учитъ политикѣ; предметъ же политики есть добродѣтель». Подъ добродѣтелью древній грекъ понималъ по преимуществу общественныя добродѣтели, относящіяся къ благоустройству и защитѣ республики — справедливость, мужество и проч. Такимъ образомъ софисты брались научить — какъ управлять республикою и быть достойнымъ гражданиномъ. Съ этимъ соединялось еще искусство ораторское или умѣнье говорить рѣчи на площади и въ судѣ. Поэтому существовалъ цѣлый классъ софистовъ, научавшихъ юношество говорить ораторскія рѣчи и вести искусно споръ. Горгіасъ отличался знаніемъ реторики и діалектики. По важности науки, которую преподавали указанные софисты, они пользовались особенною извѣстностію и всегда были окружены толпою юно-

шества. Тою-же наукою занимаются и философы. Сократъ отказывается отъ принятой предшествовавшими философами манеры разсуждать «о природѣ всѣхъ вещей», а обращается къ разсужденіямъ «о благочестіи и нечестіи, о честномъ и постыдномъ, о справедливости и несправедливости, о скромности и неистовствѣ, о храбрости и трусости», какъ свидѣтельствуешь объ этомъ Ксенофонтъ; слѣдовательно, Сократъ свелъ всю философію къ общественной и нравственной наукѣ¹.

Въ такомъ предметѣ изслѣдованія, какъ политика (по понятію древнихъ), грекъ сталкивался съ самыми сложными и запутанными вопросами, съ которыми справиться было не возможно безъ метода. Поэтому, у софистовъ-риторовъ является стремленіе къ изобрѣтенію методовъ наилучшимъ образомъ составлять ораторскія рѣчи, а у софистовъ-діалектиковъ — стремленіе къ изобрѣтенію методовъ наилучшимъ образомъ вести споръ съ противникомъ. До Сократа попытки найти хорошій методъ для изслѣдованія предметовъ нравственныхъ оказались слабыми; методъ же Сократа давалъ оружіе овладѣть, на-сколько возможно, содержащемъ нравственныхъ вопросовъ и указывалъ пути къ рѣшенію ихъ. Мы не знаемъ, въ какомъ отношеніи методъ Сократа, діалектическій, стоитъ исторически къ геометрическому методу; но Платонъ ставитъ методъ Сократа въ зависимость отъ метода элеатскихъ мыслителей, если только возможно полагаться въ данномъ случаѣ на свидѣтельство Платона. Въ діалогахъ Платона о предметахъ нравственныхъ, о которыхъ критики говорятъ, что они написаны непосредственно подъ вліяніемъ Сократа, преобладаетъ нерѣдко тотъ способъ діалектическаго разсужденія, который мы видѣли у элеатскихъ

¹ Въ послѣдствіи времени шотландская школа свела такимъ-же образомъ всѣ философскія изслѣдованія къ анализу явленій челоуѣческаго духа и въ-частности къ анализу идей прекраснаго и добраго.

мыслителей, именно — исходнымъ пунктомъ изслѣдованія служить постановка двухъ гипотезъ, противоположныхъ одна другой, и выводовъ изъ этихъ гипотезъ; на примѣръ въ «Протагорѣ» принимаются сначала двѣ гипотезы: одна изъ нихъ — Протагора, состоитъ въ томъ, что можно учить добродѣтели, другая — Сократа, состоитъ на-оборотъ въ томъ, что учить добродѣтели нельзя. Сократъ старается довести положеніе Протагора до абсурда, такъ-что Протагоръ невольно дѣлается защитникомъ того положенія, что учить добродѣтели нельзя. То-же мы найдемъ и въ другихъ діалогахъ Платона, рассматривающихъ нравственные предметы. Платонъ выражаетъ такое благоговѣніе къ методу и методическому изслѣдованію, что методъ, полученный отъ предшественниковъ, онъ называетъ «даромъ боговъ, принесеннымъ съ неба Прометеемъ вмѣстѣ съ божественнымъ огнемъ», и высказываетъ, что онъ «гоняется, какъ за богомъ, за тѣмъ, кто прилагаетъ этотъ методъ къ изслѣдованію»¹. И понятно. Можно ли сравнивать разсужденія софистовъ о нравственныхъ и общественныхъ предметахъ съ разсужденіями Сократа и Платона? О методическомъ изслѣдованіи Платона говоритъ современный намъ компетентный судья Д.-С. Милль слѣдующее: «въ области теоріи изысканія истины Платонъ не только убѣдился въ томъ, что его предшественники заблуждались, и понялъ, въ чемъ они заблуждались, но и выработалъ свое собственное воззрѣніе. . . Когда дѣло касается самаго способа философствованія или настроенія духа, съ которымъ слѣдуетъ искать истину, или тѣхъ умственныхъ процессовъ и методовъ, посредствомъ котораго она достигается, тогда взгляды, представляемые Платономъ, становятся опредѣленны и послѣдовательны»². Въ другомъ мѣстѣ мы приведемъ слова Бэкона, выражающія одобреніе

¹ *Platonis Opera: Ex recensione Hirschigii. Vol. I. Philebus, 402 стр.*

² *Льюисъ, Исторія философіи, въ русск. перевод.*

метода Платона. Благодаря методическимъ изслѣдованіямъ нравственныхъ предметовъ, производимымъ Сократомъ и Платономъ, появились начатки изслѣдованій психологическихъ. Платонъ представилъ нѣкоторые образцы субъективнаго психологическаго анализа. Ихъ сгруппировалъ Аристотель и сдѣлалъ попытку выступить на объективный путь психологическаго изслѣдованія въ извѣстномъ его трактатѣ «о душѣ» и другихъ мелкихъ сочиненіяхъ, сюда относящихся. Много понятій, относящихся къ наукамъ, выработано Платономъ и Аристотелемъ. Съ ними мы такъ свыклись, что не цѣнимъ ихъ и не задаемся вопросомъ, когда и какъ они произошли, какъ будто бы они явились вмѣстѣ съ человѣкомъ. Слѣдя по порядку, мы должны указать далѣе на реторику. Она такъ много обязана Платону и Аристотелю, что римскіе писатели отсюда черпали большую часть риторическихъ положеній. Реторика въ ново-европейскомъ мірѣ испытала пренебреженіе къ себѣ. Писатели пробалялись лишь тѣмъ, что выработано въ древнемъ мірѣ по преимуществу Цицерономъ, Квинтиліаномъ и друг. Лишь въ Англіи, гдѣ государственное устройство способствовало развитію ораторскаго искусства, обращалось вниманіе въ воспитаніи на риторическое образованіе; вслѣдствіе чего явилось нѣсколько научныхъ риторическихъ опытовъ на новыхъ началахъ. Изъ нихъ выдается «Философія реторики» *Кампбеля*, а также «*Elements of Retic*» *Richard Whately*. Въ іезуитскихъ же школахъ, гдѣ преподавалось духовное краснорѣчіе, господствовали схоластическія средневѣковыя руководства, составленныя по правиламъ и образцамъ древнихъ римскихъ писателей; а въ этихъ послѣднихъ нельзя не видѣть принциповъ реторики, выработанныхъ Платономъ и Аристотелемъ—съ ихъ дѣленіями и подраздѣленіями, топиками, опредѣленіями, доказательствами и проч. Цицерона можно назвать ученикомъ Платона въ реторикѣ¹.

¹ Цицеронъ называетъ Платона *virum doctissimum atque eundem gravissi-*

Передаётся, что Демосеенъ, этотъ знаменитый ораторъ древности, былъ учителемъ Платона ¹.

Перейдемъ далѣе къ разсмотрѣнію вліянія древняго метода на естественно-научныя изслѣдованія. Обыкновенно принимаютъ, что естественно-научныя изслѣдованія начались въ древности съ Аристотеля, если не брать во вниманіе Иппократа, о которомъ Платонъ замѣчаетъ, что онъ изучалъ природу методически. У Аристотеля есть нѣсколько сочиненій, относящихся къ естествознанію. Одни изъ нихъ посвящены разсмотрѣнію царства животнаго и растительнаго, другія посвящены неорганическимъ тѣламъ и физическимъ явленіямъ. Замѣчательно, что отзывы натуралистовъ объ этихъ сочиненіяхъ весьма различны. На-сколько симпатично относились они къ сочиненіямъ, посвященнымъ разсмотрѣнію царства животнаго и растительнаго, на-столько не-стоющими вниманія признаются другія сочиненія, относящіяся къ физикѣ. Остановимся сначала на первыхъ. Изъ нихъ стоитъ упомянуть слѣдующія сочиненія: «Исторія животныхъ», «О частяхъ животныхъ», трактатъ «О душѣ», трактатъ «О происхожденіи и развитіи» и друг. Знаменитый натуралистъ Кювье говоритъ объ «Исторіи животныхъ» Аристотеля слѣдующее: «безъ удивленія я не могу читать этого сочиненія. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно понять, какимъ образомъ одинъ человекъ былъ въ

mum, philosophorum omnium principem, locupletissimum auctorem, principem ingenii et doctrinae, principem, quo nemo in scribendo praestantior fuit; intelligendi non solum, sed etiam dicendi gravissimum auctorem et magistrum. Quis uberior in dicendo Platone? Audiamus Platonem, quasi quendam Deum philosophorum. Ex hoc igitur Platoni quasi quodam sancto augustoque fonte nostra omnis manavit oratio. — Nec vero sine philosophorum disciplina genus et speciem cujusque rei cernere, neque eum definiendo explicare nec tribuere in patres possumus, nec judicare, quae vera, quae falsa sint, neque cernere consequentia videre, ambigua distinguere.

¹ Quod idem de Demosthene existimare potest: ejus ex epistolis intelligi licet, quam frequens fuerit Platonis auditor.

состояній собрать и сравнить такое множество единичныхъ фактовъ, которые подведены подъ безчисленныя общія правила и выражены въ афоризмахъ, заключающихся въ этомъ сочиненіи, о которыхъ предшественники не имѣли никакого понятія»¹. «У Аристотеля все изумляетъ, все удивляетъ, все колоссально. Онъ жилъ только шестьдесятъ два года и былъ въ состояніи сдѣлать тысячу прекраснѣйшихъ наблюденій, точность которыхъ не могла заподозрить самая строгая критика»². Другой французскій натуралистъ говоритъ: «въ этой отрасли знанія (въ исторіи органическаго царства) онъ — какъ учитель. Онъ обогатилъ и расширилъ предѣлы всѣхъ наукъ и проникъ до свойственной имъ глубины»³. Далѣе, англійскій натуралистъ говоритъ, что Аристотель «не только собралъ массу фактовъ, но и вывелъ изъ нихъ общіе принципы, которыхъ вѣрность часто могла бы ставить насъ въ тупикъ, если-бы мы не знали, что онъ на этомъ, по крайней мѣрѣ, поприщѣ слѣдовалъ истинному методу, при помощи котораго науки въ наше время достигли такого громаднаго развитія»⁴. Тотъ-же англійскій натуралистъ говоритъ: «Аристотель не только былъ знакомъ съ безчисленными видами, но и описалъ ихъ съ помощію понятнаго и яснаго метода, каковаго не достигъ, быть можетъ, ни одинъ изъ его послѣдователей. Подтвержденіемъ этому служить то, что онъ гениально выработалъ сравнительную анатомію, которая принята въ большинствѣ случаевъ за образецъ»⁵. Кювье добавляетъ къ сказанному выше: «Исторія животныхъ не есть собственно зоо-

¹ Cuvier, Histoire des sciences natur. 1841, vol. I, 146 стр. George Lewes, Aristoteles. Aus dem Englischen übersetzt von Carus. стр. 274.

² Cuvier, Histoire des sciences natur. I vol. стр. 132.

³ Isid. Saint-Hilaire, Histoire générale des organiques règnes. 1854. 1, 18. Lewes, Aristoteles. 154 стр.

⁴ Macgillivray, Lives of eminent zoologists. 1834. Edinburgh. стр. 32.

⁵ Ibid. стр. 55.

логія, т. е. рядъ описаній различныхъ животныхъ; это болѣе родъ философской анатоміи, въ которой авторъ разсуждаетъ объ общей организаціи, выразившейся въ различныхъ животныхъ. Въ ней онъ объясняетъ, основываясь на сравненіи органовъ, различіе и сходство ея и полагаетъ такія основанія великой классификаціи, которыя не уязвимы въ отношеніи точности ¹. Посмотримъ ближе, что сдѣлалъ Аристотель. Нѣкоторые находятъ, что Аристотель въ своихъ сочиненіяхъ ясно выразилъ основныя положенія современной біологіи. Это законъ постепеннаго развитія и прогресса. Аристотель ставитъ, во-первыхъ, широкое дѣленіе — дихотомію: существуютъ, говоритъ онъ, тѣла неодушевленные (*ἄψυχα*) и существа одушевленные (*ἔμψυχα*) ². Хотя различіе между существами живыми и тѣлами неодушевленными велико, тѣмъ не менѣе въ природѣ существуетъ постепенность. Во-первыхъ, существуетъ постепенный переходъ отъ растеній къ животнымъ. Если мы будемъ сравнивать растенія съ минералами, то должны назвать ихъ одушевленными; напротивъ — если будемъ сравнивать ихъ съ животными, то они покажутся намъ неодушевленными. Растенія составляютъ первую ступень жизни. Сравнивая ихъ съ животными въ отличіе отъ минераловъ, мы находимъ, что они питаются, растутъ и уничтожаются; слѣдовательно они живутъ. Такимъ образомъ, жизнь на первой ступени проявляется въ питаніи и возрастаніи. Это есть «душа питающая или растительная», какъ выражается Аристотель. Второй шагъ, который дѣлаетъ природа, есть шагъ отъ растеній къ зоофитамъ. «Есть въ морѣ много твореній, говоритъ Аристотель, относительно которыхъ наблюдатель сомнѣвается — растенія они или животныя; они растутъ на камняхъ и умираютъ, если отрываются». Третья ступень, которую дѣлаетъ природа, есть развитіе животныхъ, которое подвигается

¹ *Cuvier*, Histoire des sciences natur. I vol. 146 стр. смотр. *Lewes*, Aristoteles.

² Это дѣленіе высказано Платономъ и повторено Аристотелемъ.

вслѣдствіе дѣйствія жизненнаго принципа, имѣющаго своимъ результатомъ чувственность; за чувственностію слѣдуетъ воля, а съ нею соединяется движеніе членовъ. Эта новая душа — «чувствующая» есть болѣе сложная форма первоначальной жизни. Далѣе Аристотель ставитъ во главѣ животнаго царства чловѣка. Послѣдній одаренъ богоподобною природою, которая обнаруживается въ разумъ и свободной волѣ. Различіе чловѣка отъ животныхъ состоитъ въ томъ, что животныя никогда не абстрагируютъ, никогда не дѣлаютъ обобщеній и не знаютъ истины, которой достигаетъ чловѣкъ.

Современный читатель, знакомясь съ «Исторіею животныхъ», съ трактатомъ «О частяхъ животныхъ» и трактатомъ «О происхожденіи и развитіи», къ своему удивленію, встрѣчаетъ такіа истины, которыя теперь признаются лишь достояніемъ XIX-го вѣка; поражается планомъ изложенія и методомъ изслѣдованія (какъ мы видѣли въ приведенныхъ нами отзывахъ объ указанныхъ сочиненіяхъ Аристотеля). Встрѣчая въ то-же время въ сочиненіяхъ Аристотеля много ошибокъ, наивныхъ объясненій — съ точки зрѣнія современной науки, онъ останавливается въ недоумѣніи, какое значеніе придавать тѣмъ положеніямъ сочиненій Аристотеля, которыя отвѣчаютъ лучшимъ современнымъ истинамъ и теоріямъ науки и философіи, — высказаны ли они случайно, слѣдовательно не сознательно, или Аристотель сознавалъ научную важность ихъ и пришелъ къ нимъ чрезъ методическое изслѣдованіе. Какъ мы видѣли, нѣкоторые писатели склоняются въ пользу послѣдняго, т. е. того, что Аристотель пришелъ къ нимъ при помощи опредѣленнаго метода. На этомъ основаніи высказываютъ похвалу его методу. Любясь въ своемъ сочиненіи, имѣющемъ заглавіе — «Аристотель, или одна глава изъ исторіи наукъ», взялся разсѣять иллюзіи писателей-натуралистовъ относительно Аристотеля, какъ натуралиста, и подорвать авторитетъ его, какъ основателя естественныхъ наукъ.

Весьма дѣльное сочиненіе извѣстнаго въ философской литературѣ англійскаго писателя во многомъ достигаетъ своей цѣли; но оно — несправедливо къ Аристотелю въ томъ отношеніи, что дѣлаетъ приговоръ трудамъ его съ точки зрѣнія современной науки, подобно другимъ, указаннымъ нами выше критикамъ-индуктивистамъ. Переходя въ своемъ изложеніи къ сочиненію Аристотеля — «О происхожденіи и развитіи», Льюисъ долженъ былъ высказать слѣдующее: «сочиненіе «О происхожденіи и развитіи» есть прекрасный трудъ. Въ изслѣдованіи подробностей и въ глубинѣ спекулятивнаго взгляда нѣтъ равнаго ему въ древности и мало равныхъ въ новое время. Мы находимъ въ немъ нѣкоторыя темнѣйшія проблемы біологіи мастерски изложенныя, что при настоящемъ состояніи науки по-истинѣ удивительно. Что въ немъ есть много ошибокъ, много пробѣловъ и довольно опущено фактовъ, это легко себѣ представить. Тѣмъ не менѣе сочиненіе иногда возвышается до воззрѣній многихъ передовыхъ эмбриологовъ, иногда же поднимается почти выше ихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется»¹. И въ другихъ сочиненіяхъ Аристотеля, относящихся къ органическому царству, Льюисъ наталкивается на воззрѣнія того-же характера. Онъ боится дать имъ значеніе сознательныхъ истинъ и высказываетъ, что это — случайное совпаденіе воззрѣній Аристотеля съ современными воззрѣніями натуралистовъ; «иначе пришлось бы, говорить онъ, приписать древнимъ даръ предвѣдѣнія». Посмотримъ, какимъ путемъ пришелъ Аристотель къ воззрѣніямъ, которыя совпадаютъ съ воззрѣніями современныхъ натуралистовъ.

Мы стоимъ на томъ, что Аристотель пришелъ къ указаннымъ воззрѣніямъ методически, слѣдовательно сознательно. Былъ ли методъ Аристотеля тотъ-же, которымъ пришли современные на-

¹ Aristoteles. Ein Abschnitt aus einer Geschichte der Wissenschaften. Aus dem Englischen übersetzt von V. Carus. 1865. Leipzig, стр. 333.

туралисты въ этомъ воззрѣніи, или это былъ другой методъ, это — другой вопросъ. Чтобы уяснить себѣ это, посмотримъ, каковъ былъ методъ Аристотеля, который привелъ его къ идеѣ прогресса и развитія. Обратимся опять къ Сократу и Платону. Сократъ, сказали мы, рассуждалъ по родамъ и сталъ употреблять индукцію. Последняя состояла въ сближеніи вида сложнаго съ видами простѣйшими и наведеніи признаковъ простѣйшаго вида на болѣе сложный. Такъ поступалъ Сократъ въ своихъ рассужденіяхъ о предметахъ нравственныхъ и общественныхъ. Здѣсь-то въ первый разъ высказана была Сократомъ идея прогресса и развитія. Онъ является защитникомъ и пропагандистомъ этой идеи въ человѣческой нравственности, преслѣдуетъ ее въ своей жизни и, наконецъ, умираетъ за эту идею. Ему ли было бѣжать изъ темницы и спасать свою жизнь, когда онъ заботился о спасеніи республики, научая юношество повиновенію законамъ ея? Благосостояніе республики онъ ставилъ выше своего собственнаго благосостоянія, и человѣка, заботящагося о республикѣ, онъ считалъ нравственно развитымъ выше другихъ, заботившихся о личномъ благосостояніи. Идея прогресса и развитія сдѣлалась послѣ Сократа основною идеею философіи Платона, который тоже рассуждалъ по преимуществу о нравственныхъ и общественныхъ предметахъ. Перейдя къ вопросамъ психологическимъ, онъ преслѣдилъ при помощи метода Сократа постепенное развитіе въ насъ знанія (въ «Теэтетѣ»), развитіе блага или счастья (въ «Филебѣ»), развитіе любви (въ «Федрѣ») и, наконецъ, сдѣлалъ попытку начертать постепенное развитіе міровой жизни (въ «Симпосіонѣ» и «Тимеѣ»). Для примѣра обратимся къ діалогу «Теэтетъ», гдѣ показывается постепенное развитіе въ насъ знанія. «Знаніе, по Протагору, есть ощущеніе». Съ этого положенія Протагора Платонъ начинаетъ свое изслѣдованіе. Онъ не отвергаетъ, что ощущеніе есть знаніе; но все ли наше знаніе заключается въ ощущеніи? Необходимое условіе ощу-

ніа єсть дѣйствіє на наші органи предмета, который мы познаемъ. Но въ воображеніи и памяти не требуется, чтобы предметъ непосредственно дѣйствовалъ на наши чувственные органы. Слѣдовательно, єсть у насъ знаніе, которое является въ насъ, когда не бываетъ на-лицо предмета. Если такъ, то знаніе воображенія и памяти не тождественно съ ощущеніемъ; это—другой видъ знанія, болѣе сложный чѣмъ ощущение. Далѣе, въ самыхъ ощущеніяхъ, получаемыхъ нами чрезъ чувственные органы, все ли принадлежитъ этимъ послѣднимъ? Въ ощущеніяхъ мы познаемъ общее и различное. Но можетъ ли чувственный органъ, напр. глазъ, знать то, что совершается въ другомъ чувственномъ органѣ, напр. ухѣ? Если нѣтъ, то откуда у насъ знаніе общаго и различнаго въ ощущеніяхъ? Далѣе, откуда и какимъ образомъ является у насъ ложное мнѣніе о предметѣ? Ощущеніе, какъ ощущение, непогрѣшимо; оно не можетъ насъ обманывать. Значитъ, ложное мнѣніе отличается отъ ощущенія и, получая поддержаніе отъ ощущеній, имѣетъ еще другой источникъ происхожденія, и такъ далѣе. И такъ, оказывается, что ощущение не заключаетъ въ себѣ всего знанія, которое мы имѣемъ о предметахъ; оно єсть самый низшій видъ знанія; съ него начинается развитіе знанія. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи знаніе является въ другихъ болѣе сложныхъ видахъ, отличныхъ отъ ощущенія. Точно такимъ-же образомъ и относительно блага нѣкоторые ставятъ его въ чувственномъ удовольствіи (о благѣ разсуждается въ діалогѣ «Филебъ»); а между-тѣмъ єсть благо или удовольствіе, которое состоитъ въ воспоминаніи прошедшихъ удовольствій; наконецъ, єсть удовольствіе, которое состоитъ въ умственномъ занятіи, и такъ далѣе. Опять выходитъ, что чувственное удовольствіе єсть лишь низшій видъ удовольствія; съ него начинаются различныя степени удовольствія и блага, возвышаясь до нравственныхъ и эстетическихъ удовольствій. Вотъ модель метода изслѣдованія, которою вос-

пользовался Аристотель въ изученіи міра растительнаго и животнаго. Аристотель видѣлъ, что та-же постепенность развитія существуетъ въ мірѣ живыхъ существъ, что и здѣсь существуютъ лишь различные виды, восходящіе отъ простаго къ болѣе сложному; слѣдовательно и здѣсь удобоприложимъ методъ Сократа — обобщенія видовъ и различенія ихъ. Первоначальный путь къ обобщенію есть аналогія. Поэтому, индукцію Сократа нѣкоторые отождествляютъ съ аналогіею; но индукція Сократа есть болѣе, чѣмъ аналогія; это есть наведеніе въ собственномъ смыслѣ (*ἐπαγωγή* inductio). Здѣсь необходимо существованіе двухъ, по-крайней-мѣрѣ, видовъ различной сложности, которые, поэтому, кажутся различными. Исслѣдователь долженъ найти признаки простаго вида въ видѣ сложномъ или найти постепенный переходъ отъ простаго вида къ сложному и обобщить ихъ въ одномъ родѣ. Аристотель далъ широкій просторъ аналогіи въ своемъ изслѣдованіи органическихъ существъ. Этимъ-то путемъ онъ и возвысился до тѣхъ воззрѣній, которыя совпадаютъ въ характерѣ съ воззрѣніями современныхъ натуралистов.

Итакъ, Аристотель методически пришелъ къ тѣмъ воззрѣніямъ, которыя совпадаютъ съ современными передовыми воззрѣніями натуралистовъ. Этотъ методъ былъ такъ-называемый въ геометріи синтетическій методъ; нѣкоторые смѣшиваютъ его съ аналитическимъ методомъ. Этимъ методомъ составлена древняя геометрія, которая отъ простыхъ геометрическихъ фигуръ переходитъ къ болѣе сложнымъ. Этому методу не рѣдко приходилось дѣйствовать въ исторіи науки и онъ принесъ много пользы наукѣ, особенно въ сферѣ общихъ воззрѣній. Употребленіе его мы встречаемъ у Конта и Спенсера. Послѣдніе постоянно говорятъ о синтезѣ и анализѣ и рѣдко упоминаютъ объ индукціи. Въ этомъ методѣ участвуетъ и анализъ; но анализъ въ данномъ случаѣ есть по преимуществу субъективный, состоящій въ различеніи чрезъ противопоставленіе.

Синтезъ этого рода служить и къ открытію новыхъ истинъ, именно — онъ перѣдко указываетъ пробѣлы въ знаніяхъ, заставляетъ искать связующихъ звеньевъ въ явленіяхъ, руководитъ наблюденіемъ, наталкиваетъ на явленія, которыя не были раньше замѣчены. Но онъ нуждается въ послѣднемъ случаѣ въ помощи другого метода — экспериментальнаго и индукціи, чтобы получено было открытіе и, что главное, чтобы оно получило авторитетъ несомнѣнной истины. Гипотеза, поставленная на основаніи теоріи развитія по синтетическому методу, очень вѣроятна; но чтобы сдѣлаться несомнѣнною истиною, она должна быть изслѣдована и подтверждена экспериментальнымъ путемъ и индуктивнымъ методомъ. Вотъ этого-то метода и не знали, какъ мы увидимъ дальше, древніе. Объ немъ не имѣли понятія и Аристотель. Такимъ образомъ, всѣ воззрѣнія, высказанныя Аристотелемъ, должны были быть подтверждены индуктивнымъ методомъ, чтобы назваться несомнѣнными истинами въ полномъ смыслѣ слова. Этого не могъ сдѣлать Аристотель. Указанный методъ привелъ Аристотеля въ изученіи органической природы къ важнымъ результатамъ. Онъ указывалъ ему, чего искать въ наблюденіи и гдѣ искать. Чрезъ это обогатилось изученіе органической природы громаднымъ количествомъ фактовъ, которому удивляются натуралисты. Указанный методъ давалъ возможность размѣстить надлежащимъ образомъ эти факты, охарактеризовать и сгруппировать ихъ. Но онъ не приводилъ къ открытію истинныхъ физическихъ причинъ этихъ фактовъ. Тѣмъ-то и отличаются современныя научныя воззрѣнія натуралистовъ отъ тѣхъ-же воззрѣній Аристотеля, что онѣ основываются на индуктивномъ изслѣдованіи физическихъ причинъ явленій. Гдѣ не открыто еще такихъ причинъ, тамъ сознается необходимость найти ихъ; положеніе, достигнутое синтетическимъ методомъ, не называется научною истиною, а гипотезой и теоріею, требующею индуктивнаго доказательства. Доказательство Аристо-

теля состоитъ въ приведеніи вида къ роду или указаніи общаго признака того и другого. Это далеко не то, что разумѣть подъ доказательствомъ современная индуктивная наука. Аристотель не имѣлъ того понятія о причинѣ явленій, которое въ новомъ мірѣ выработано индуктивною логикою. Чтобы убѣдиться въ этомъ послѣднемъ, обратимся къ другимъ сочиненіямъ Аристотеля, относящимся къ физикѣ, метеорологіи и механикѣ.

Въ этихъ сочиненіяхъ поражаетъ насъ противное тому, что мы видѣли въ сочиненіяхъ, относящихся къ разсмотрѣнію органической природы. Здѣсь встрѣчаетъ насъ разсужденіе о матеріи и формѣ, о существующемъ въ возможности и существующемъ въ дѣйствительности и проч. Въмѣсто экспериментальнаго изученія Аристотель руководится субъективнымъ методомъ противопоставленія понятій и ищетъ въ природѣ дѣйствія противоположныхъ началъ. Признавши въ основаніи природы матерію и форму, матерію называетъ Аристотель пассивною, а форму — обладающею энергіей. Принимаетъ четверное дѣленіе причинъ: а) причину формальную, б) причину матеріальную, в) причину движущую и г) причину конечную. Существуютъ въ природѣ движеніе и покой. Покой, по представленію Аристотеля, не есть отрицательное понятіе движенія, онъ не есть и результатъ противовѣса, а есть независимо существующій въ природѣ принципъ, какъ существуетъ въ природѣ движеніе. Движеніе раздѣляется Аристотелемъ на прямолинейное и круговое. Онъ ставитъ при этомъ вопросъ: которое изъ этихъ движеній — совершеннѣйшее, не сознавая того, что для рѣшенія вопросовъ механики онъ заимствуетъ принципы совершенно изъ другой области знаній — изъ геометріи и морали. На поставленный вопросъ онъ отвѣчаетъ, что круговое движеніе есть движеніе совершеннѣйшее, потому что оно — безконечно и не имѣетъ предѣла. Для объясненія размѣщенія стихійныхъ элементовъ въ природѣ принимаетъ въ руководство два качества: легкое и

тяжелое (опять противопоставленіе) и говоритъ, что земля имѣетъ абсолютную тяжесть и поэтому она стремится внизъ, огонь же имѣетъ абсолютную легкость, и поэтому онъ стремится вверхъ по природѣ. Таково-же и продолженіе. Все, относящееся къ физикѣ и механикѣ, не заслуживаетъ одобренія съ точки зрѣнія науки и индуктивнаго метода. Вмѣсто физики, какъ понимаютъ ее теперь, Аристотель даетъ намъ большею частью метафизику или просто опредѣляетъ грамматическій смыслъ терминовъ. Это-то и послужило поводомъ къ сильнымъ нападеніямъ на методъ Аристотеля со стороны натуралистовъ. Но мы видѣли, что методъ Аристотеля въ другіхъ мѣстахъ принесъ пользу естествознанію и оказался удобоприложимымъ. И мы знаемъ, что послѣ Аристотеля методъ его продолжалъ плодотворно дѣйствовать на успѣхи такихъ наукъ, въ которыхъ требовалось описаніе и характеристика родовъ и видовъ. Ученикъ Аристотеля Теофрастъ составилъ напр. стоящее, по своему времени, вниманія сочиненіе — «О растеніяхъ». Тому-же Теофрасту принадлежитъ другое сочиненіе въ томъ-же родѣ подъ заглавіемъ — «О характерахъ» (людскихъ).

Теперь мы можемъ перейти къ рѣшенію другаго вопроса, имѣющаго непосредственный современный интересъ, именно: можетъ ли древній методъ быть полезнымъ и въ настоящее время и нужно ли изучать его не какъ историческій памятникъ, а какъ *органъ* знанія, годный для всякой эпохи, не исключая и настоящаго XIX вѣка?

Для нѣкоторыхъ этотъ вопросъ рѣшенъ давно. Бэконъ когда еще высказалъ, что «логика, дѣйствующая силлогистически, негодна для открытія новыхъ истинъ; она служитъ не къ тому, чтобы изслѣдовать истину, а скорѣе — къ тому, чтобы укрѣплять заблужденія; она не только бесполезна, но и вредна¹». Хо-

¹ Novum Organum. Lib. I. 12 Aphor.

тя это относится лишь къ схоластической логикѣ, выработанной на основаніи принциповъ логики Аристотеля; но Бэконъ не отдѣлялъ схоластическую логику отъ логики Аристотеля и отрицалъ вообще древній методъ. То-же самое повторяли и послѣдователи метода Бэкона; многіе повторяютъ то-же и теперь. Для другихъ поставленный вопросъ тоже рѣшенъ; но рѣшенъ въ противоположномъ смыслѣ. Логика Аристотеля въ большинствѣ случаевъ царитъ въ школахъ и поддерживается профессиональными логиками. Для насъ поставленный вопросъ не есть исполнѣнъ рѣшенный вопросъ. Послѣ того, какъ мы рассмотрѣли полезное и вредное вліяніе древняго метода на прогрессъ наукъ и философіи, мы не можемъ исполнѣ согласиться ни съ тѣми, ни съ другими. Мы видѣли, что древній методъ, съ одной стороны, принесъ пользу наукамъ и философіи, съ другой — оказался безполезнымъ въ извѣстномъ родѣ наукъ, не смотря на то, что старались сдѣлать его общеупотребительнымъ и одинаково годнымъ для изслѣдованій во всѣхъ областяхъ знаній. Какое-же рѣшеніе возможно для поставленнаго вопроса?

Здѣсь мы не имѣемъ пока возможности представить полное и окончательное рѣшеніе указаннаго вопроса; оно можетъ быть дано лишь въ концѣ нашего изслѣдованія и должно вытекать изъ историческаго наблюденія надъ развитіемъ древняго метода въ новомъ мірѣ. Мы рассмотримъ здѣсь вопросъ лишь съ одной стороны — педагогической. Въ ново-европейскомъ мірѣ выработанъ индуктивный методъ и создана индуктивная логика. Поэтому, слѣдуетъ ли изучать древній методъ и Аристотелеву логику, если даже допустимъ, что древній методъ способствовалъ въ свое время прогрессу наукъ и философіи? Какая нужда изучать древній методъ въ-замѣнъ новаго лучшаго метода или даже рядомъ съ этимъ послѣднимъ методомъ? Вотъ возраженіе, передъ которымъ не можетъ не остановиться самый сильный защитникъ древняго метода. Есть одинъ мотивъ, по которому не

только полезно изучать древній методъ, но и необходимо. Всякій переживаетъ въ своемъ развитіи все тѣ періоды, которые пережило человѣчество. Здѣсь мы не будемъ говорить о томъ, въ какомъ видѣ и сколько долгое время совершается это переживание. Итакъ, если человѣчество прошло чрезъ мышленіе по древнему методу, то подобный періодъ существуетъ и въ индивидуальномъ развитіи. Впрочемъ, быть можетъ мы не вполне точно выразились. Есть въ индивидуальномъ развитіи періодъ, въ который можетъ помочь хорошему развитію древній методъ лучше, чѣмъ какой-либо другой методъ. Постараемся выяснитъ это положеніе ближе къ фактамъ. Впечатлѣнія внѣшняго міра обогащаютъ знаніями конкретныхъ фактовъ юный умъ съ первой ступени развитія его. Очень рано, почти съ самой колыбели, усваиваются этимъ умомъ и моральныя правила жизни той среды, въ которой живетъ и развивается ребенокъ. Когда наступитъ періодъ школьнаго образованія, развивающійся субъектъ не бываетъ *tabula rasa*; напротивъ, онъ обладаетъ большимъ запасомъ знаній, приобретенныхъ указанными путями. Школа продолжаетъ увеличивать въ развивающемся субъектѣ запасъ знаній. Но школа беретъ на себя кромѣ того обязанность дать ему научное образованіе въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. предлагаетъ для изученія курсы, системы и проч., гдѣ истины излагаются въ зависимости одна отъ другой, вытекаютъ одна изъ другой, — гдѣ отъ одной истины можно заключать къ другой истинѣ и такъ далѣе. Какъ образецъ такого курса, изучается математика, которая непременно ставится въ программу первоначальнаго школьнаго образованія и научнаго воспитанія. Математика научаетъ развивающійся субъектъ справляться съ содержаніемъ, уже извѣстнымъ ему изъ самыхъ раннихъ впечатлѣній внѣшняго міра; таковы представленія протяженія и пространства со всеми видоизмѣненіями ихъ. Какой-же другой органъ знанія долженъ изучать юный умъ, — органъ, параллель-

ный математикъ, который давалъ бы возможность развивающемуся уму овладѣвать другимъ готовымъ запасомъ знаній и справляться съ нимъ? Этотъ органъ, по нашему мнѣнію, есть древній методъ. Не даромъ въ настоящее время пришли къ убѣжденію въ необходимости употребленія въ преподаваніи элементарныхъ наукъ Сократическаго метода. Этотъ поворотъ къ Сократическому методу не говоритъ ли ясно о важности древняго метода въ воспитаніи? Съ другой стороны, пришли къ убѣжденію въ необходимости употребленія такъ-называемаго *аналитическаго* метода въ составленіи учебниковъ и устномъ преподаваніи. Какого рода методъ разумѣютъ тѣ, которые говорятъ о необходимости употребленія аналитическаго метода въ учебникахъ и преподаваніи? Есть ли въ самомъ дѣлѣ это аналитическій методъ въ строгомъ смыслѣ слова, — тотъ методъ, который служитъ органомъ научныхъ открытій? Тутъ встрѣчаетъ насъ та-же путаница въ пониманіи аналитическаго метода, на которую мы наталкивались раньше. Хотя мы въ-правѣ до нѣкоторой степени называть указанный методъ аналитическимъ; но мы должны знать, въ какомъ смыслѣ мы называемъ его такимъ. Это — методъ, аналогичный геометрическому методу. Онъ есть субъективный аналитическій методъ, имѣющій дѣло съ готовымъ пріобрѣтеннымъ раньше запасомъ знаній. По отношенію къ наставнику онъ не есть аналитическій методъ, а синтетическій, не открывающій для него ничего новаго; по отношенію къ ученику, онъ — аналитическій методъ, въ первый разъ раскрывающій передъ его сознаніемъ нѣкоторыя истины. Но какого рода истины? Истины, заключающіяся въ пріобрѣтенномъ уже запасѣ знаній. Указанный методъ есть тотъ-же методъ, при помощи котораго Сократъ и Платонъ такъ успѣшно овладѣвали и другихъ учили овладѣвать готовымъ содержаніемъ нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ, чего не могли дѣлать софисты, путаясь, какъ неопытные школьники, въ противорѣчіяхъ

при опредѣленіи сложныхъ предметовъ нравственныхъ и общественныхъ. Тѣ, которые употребляютъ въ настоящее время аналитическій методъ въ учебникахъ и преподаваніи, пусть не думаютъ (какъ нѣкоторые наивно воображаютъ), что это есть вмѣстѣ и индуктивный методъ. Индукція имѣетъ свои приемы и процессы, отличные отъ приемовъ и процессовъ указаннаго метода. По индуктивному методу нѣтъ возможности идти въ преподаваніи наукъ въ тотъ періодъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Онъ увлекалъ бы въ преподаваніи слишкомъ далеко, заставлялъ бы уклоняться въ частности и опускать изъ вниманія общее; такимъ образомъ совершенно не отвѣчалъ бы требованіямъ и запросамъ молодаго ума, нуждающагося въ помощи для приведенія въ извѣстность и порядокъ тѣхъ знаній, которыя онъ уже имѣетъ и постепенно увеличиваетъ. Но какъ-бы то ни было, въ сознаніе педагоговъ проникло убѣжденіе въ необходимости слѣдовать въ научномъ школьномъ образованіи методу древнихъ. Часто недостаетъ полнаго пониманія теоріи этого метода; но она чувствуется инстинктивно; къ ней подходятъ ошущью; на нее наталкиваетъ болѣе внимательное наблюденіе надъ ходомъ развитія юнаго ума.

Мы должны пожалѣть о томъ, что нѣтъ доселѣ руководствъ по логикѣ, въполнѣ удовлетворяющихъ требованіямъ и запросамъ юнаго ума, о которыхъ сказано выше. Тѣ краткія руководства, которыя отъ времени до времени появляются въ Германіи и у насъ и назначаются для школъ или среднихъ учебныхъ заведеній, страдаютъ весьма важными недостатками, если не сказать болѣе. Мы совершенно согласны со взглядомъ Гоббса на силлогистическую логику. Онъ, изложивши кратко ученіе о силлогизмѣ, закончилъ свое положеніе слѣдующими словами: «Кажется, для ознакомленія съ природою силлогизма достаточно того, что изложено; ибо все, что полезно въ сказанномъ другими съ большимъ разглагольствованіемъ о модусахъ и фигу-

рахъ, очевидно, основывается на томъ, что сказано нами. Чтобы умѣть умозаключать, для этого нужны не столько правила, сколько практика. Логику лучше понимаютъ тѣ, которые упражняются въ математическихъ доказательствахъ, чѣмъ тѣ, которые *теряютъ время на изученіе систематическихъ правилъ логики*¹. Это высказано Гоббсомъ въ виду господствовавшей въ его время схоластической логики. Но съ тѣмъ-же разглагольствованіемъ и теперь излагается въ руководствахъ ученіе о фигурахъ и модусахъ силлогизма. Изучать всѣ схоластическія тонкости силлогизма со всѣмъ разнообразіемъ фигуръ и модусовъ, по-крайней-мѣрѣ, бесполезно. Вотъ что сказалъ еще о силлогистической системѣ Ридъ: «Общее начало, къ которому все сводится и котораго каждый категорическій силлогизмъ есть только частное приложеніе, состоитъ въ томъ, что все, что утверждается или отрицается относительно цѣлаго рода, можетъ быть утверждаемо или отрицаемо и относительно каждаго вида, къ нему принадлежащаго. Это начало несомнѣнно достовѣрное, но не отличается большою глубиною. Аристотель и всѣ логики принимали его за аксіому или за первое начало, отъ котораго какъ-бы отправляется всякая аналогистическая система и послѣ большаго путешествія и великой траты аргументаціи причаливаетъ въ концѣ къ тому-же началу, какъ своему послѣднему заключенію. *O curas hominum! o quantum est in rebus inane!*»². Ни Гоббсъ, ни Ридъ не отрицаютъ совершенно значенія силлогизма; тѣмъ болѣе мы не можемъ отрицать этого значенія послѣ того объясненія силлогистической формы, которое дано Д.-С. Миллемъ въ его «Системѣ логики». Но мы возстаемъ противъ того ученія о силлогизмѣ, которое рутинно передается въ руководствахъ. Руководства по грамматикѣ, ариметикѣ, физикѣ и друг. наукамъ измѣнили мало-по-малу прежній видъ и ана-

¹ Opera philosophica omnia. 1668. Amstelodam. Logica, стр. 30.

² Brief account of Aristotle's Logic.

литическій методъ или разложеніе сложнаго на его части не рѣдко можно встрѣтить въ учебникахъ. Руководства же по логикѣ доселѣ не измѣнили своего вида. Поэтому, для изучающаго рѣшительно не понятно, зачѣмъ начинаютъ ему преподавать ученіе о законахъ нашего мышленія, о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Всего труднѣе учителю объяснить ученикамъ въ самомъ началѣ законы нашего разума; эти законы остаются большею частію непонятыми и впослѣдствіи времени. По идеѣ Аристотеля логика должна заключать въ себѣ изложеніе теоріи доказательствъ. Сюда-то и должно быть устремлено вниманіе изучающаго логику. Изученіе логики Аристотеля, какъ теоріи доказательствъ, должно быть предложено развивающемуся уму въ тотъ періодъ развитія, когда онъ при изученіи другихъ наукъ непосредственно столкнется съ необходимостію употребленія доказательствъ. Съ необходимостію доказательствъ онъ встрѣчается при изученіи геометріи и реторики. Та аргументація, которой учатъ въ большинствѣ случаевъ руководства по логикѣ, годна развѣ въ реторикѣ. Здѣсь и слѣдуетъ начинать изученіе силлогистической логики и не иначе, какъ по указанному нами выше образцу, т. е. начать съ анализа доказательства, какъ сложнаго феномена мысли. По-крайней-мѣрѣ, ученику понятно будетъ, зачѣмъ начинаютъ ему говорить о родовыхъ и видовыхъ понятіяхъ, объ объемѣ и содержаніи понятій и такъ далѣе. Нѣсколько примѣровъ силлогизмовъ повторялось въ руководствахъ, кажется, съ самаго созданія логики. Только въ послѣднее время стали заимствовать примѣры изъ современныхъ наукъ и научныхъ сочиненій извѣстныхъ ученыхъ. Но и этого недостаточно, чтобы изучающій логику вполне оцѣнилъ важность и значеніе логическихъ правилъ. Требуется самостоятельность со стороны изучающаго логику. Англійскіе логики это поняли. Они, какъ напр. Уэтли и друг., указываютъ въ концѣ логики образцы для логическаго разбора изъ извѣстныхъ сочиненій и рѣчей. Само

собою разумѣется, что рядомъ съ этимъ разборомъ должны идти и собственные упражненія изучающаго логику; таковы диссертациі и рѣчи.

Но изученіе теоріи доказательствъ относится къ позднѣйшему періоду развитія. Изученіе теоріи доказательствъ, о которой сказано выше, будетъ служить переходною ступенью къ изученію индуктивныхъ доказательствъ и индукціи. Пониманіе индуктивныхъ доказательствъ и индукціи не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ перваго раза. Теорія причинности, какъ она поставлена теперь, различіе между первичными и вторичными законами не легко могутъ быть поняты начинающими изучать логику. Исторія логики показываетъ, что теорія индукціи выработана послѣ другихъ отдѣловъ логики. Та-же исторія показываетъ, что сначала занимались логикою, какъ органомъ открытія и отыскиванія (*inventio*), а потомъ, какъ органомъ доказательства. Это-же нужно имѣть въ виду и при размѣщеніи курсовъ логики въ научномъ, школьномъ образованіи. Мы сказали выше, что юный умъ нуждается прежде всего въ органѣ для того, чтобы овладѣть готовымъ запасомъ знаній и умѣть воспользоваться имъ, когда это бываетъ нужно. Къ сожалѣнію, составителями руководствъ это совершенно упущено изъ вниманія, между-тѣмъ-какъ, по вашему мнѣнію, съ этого должно быть начато логическое воспитаніе. Правда, въ руководствахъ говорится объ *опредѣленіи* и *дѣленіи*; но изученіе краткихъ замѣтокъ пропадаетъ почти безслѣдно. По методу Платона, долженъ быть составленъ отдѣльный первоначальный курсъ логики объ опредѣленіи и дѣленіи въ соединеніи съ теорією родовыхъ и видовыхъ названій. Эта теорія принесетъ мало пользы теперь при изученіи доказательствъ, такъ-какъ съ разработкою теоріи причинности требуются иного рода доказательства, чѣмъ во времена Аристотеля; но теорія родовыхъ и видовыхъ названій незамѣнима, чтобы научить молодой умъ отыскивать отличитель-

ные признаки предмета и составлять его характеристику. Она важна во многих отношеніяхъ. Хорошо поставленная, она вызываетъ языкъ учащемуся, научая его пользоваться готовыми знаніями. Постоянное сопоставленіе и противопоставленіе родовыхъ и видовыхъ названій приучаетъ молодой умъ къ *обобщенію* и *различенію* ¹. Не даромъ Вэконъ, отвергшій силлогизмъ Аристотеля, симпатично отнесся къ методу Платона. «Индукція, говоритъ онъ, должна очищать и просіявать природу, отдѣляя существенныя условія отъ случайныхъ; она должна проходить чрезъ отрицательныя инстанціи, чтобы посредствомъ правильнаго заключенія приходить къ утвердительнымъ инстанціямъ. А этого до сихъ поръ не дѣлали еще, даже не пытались дѣлать, *исключая развѣ Платона*, который по-крайней-мѣрѣ для очищенія своихъ опредѣленій и идей употреблялъ эту форму индукціи». Указанный курсъ логики долженъ быть обработанъ не по образцу логики Аристотеля, а по образцу логики Платона или—вѣрнѣе сказать—по образцу того, что Платонъ называлъ *діалектикою*. Самъ Аристотель сдѣлалъ, какъ мы видѣли, естественно-научные успѣхи при помощи метода Сократа и Платона. Этотъ методъ стоитъ ближе къ своему первоисточнику—геометрическому методу. Чтобы понять, какой новой обработки древняго метода мы желаемъ, слѣдуетъ между прочимъ обратиться къ тѣмъ сочиненіямъ Конта и Спенсера, въ которыхъ разсуждается о методѣ въ воспитаніи ².

¹ Авторъ высказываетъ это на основаніи собственныхъ педагогическихъ опытовъ и наблюдений.

² Cours de philosophie positive. «Чрезъ изученіе математики и только математики можно создать себѣ истинную и глубокую идею о томъ, что такое наука. Единственно здѣсь должно искать точнаго знанія *всеобщаго метода*, которымъ человѣчскій духъ пользуется постоянно во всѣхъ позитивныхъ изслѣдованіяхъ.... Всякое воспитаніе, которое не начинается съ этого изученія (математики), грѣшитъ въ самомъ его основаніи». Mathématiques. Tom. I, 99—100. Послѣ изученія математики Контъ рекомендуетъ изученіе біологій. «Біологическая философія, говоритъ онъ, должна быть разсматриваема, какъ прямо предъ-